

Матеріалы для академическаго изданія сочиненій Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ. Спб. 1902.

„Пушкинъ—наше все“, говорилъ Апшолонъ Григорьевъ. Пушкинъ—та земля, на которой стоитъ вся наша литература, если не то небо, которое надъ нею. Академическое изданіе Пушкина—наше общее дѣло, и надъ нимъ мы всѣ, любящіе Пушкина, должны трудиться „міромъ“. Появленіе „Матеріаловъ“ открываетъ намъ возможность такого сотрудничества, дѣлаетъ критиковъ не непризванными судьями, а помощниками редакторовъ.

Во всякомъ предпріятіи едва ли не самое важное—строго обдуманнй планъ его. Именно его-то и нѣтъ въ Академическомъ изданіи Пушкина. Правда въ предисловіи къ I тому помѣщена какъ бы программа всего изданія, но повидимому больше потому, что такъ *принято* дѣлать. Редакторъ же въ своей работѣ очень мало сообразовался съ выставленными тамъ принципами и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поступалъ „по крайнему разумѣнію“ своему. Очень возможно, что это спасло его отъ излишней педантичности, но зато лишило изданіе стройности и цѣлости.

Въ этой программѣ между прочимъ было сказано:

„Въ Академическомъ изданіи, всѣ произведенія поэта, вышедшія въ свѣтъ при его жизни, будутъ напечатаны въ томъ именно видѣ, въ какомъ они появились въ печати на его глазахъ, притомъ въ послѣдній разъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи будетъ допущено только для тѣхъ случаевъ, когда достовѣрно извѣстно, что подлинный Пушкинскій текстъ былъ измѣненъ рукою цензора или другого посторонняго поправителя“.

Однако уже въ I томѣ цѣлый рядъ стихотвореній былъ напечатанъ вовсе „не въ томъ именно видѣ“, какъ они были напечатаны въ послѣдній разъ на глазахъ Пушкина, а по его черновымъ рукописямъ, съ позднѣйшими не доведенными до конца поправками. Точно такъ же и въ „Матеріалахъ“ это правило не разъ нарушается: въ очень многихъ стихотвореніяхъ, которыя появились въ печати несомнѣнно на глазахъ Пушкина и о которыхъ вовсе не извѣстно „достовѣрно“, чтобы они были измѣнены *посторонней* рукою, сдѣланы дополненія и поправки на основаніи рукописей. Но рядомъ съ ними стоятъ другія, въ которыхъ допущено явно неправильное чтеніе, только ради торжества выставленнаго принципа—чтобы напечатать именно такъ, какъ печаталъ самъ Пушкинъ, „въ послѣдній разъ“, „на своихъ глазахъ“.

Такъ стихотвореніе „Рѣдвѣтъ облаковъ летучая гряда“ напечатано въ „Матеріалахъ“ съ тремя послѣдними стихами, тогда какъ во всѣхъ изданіяхъ, сдѣланныхъ „на глазахъ“ Пушкина, эти стихи намѣренно опускались. Имѣется даже собственноручная помѣта Пушкина на рукописи, съ которой

эти стихи печатались въ изд. 1826 г.: „безъ 3 послѣднихъ стих.“. Въ оправданіе себя „Матеріалы“ говорятъ: „Изъ писемъ Пушкина къ А. А. Бестужеву, отъ 12 января и 29 іюня 1824 г., видно, что авторъ не желалъ видѣть эти строки въ печати только по личнымъ отношеніямъ, но не отрицалъ ихъ необходимости для полнаго смысла пьесы“.

Въ посланіи къ Чаадаеву („Въ странѣ, гдѣ я забылъ...“) „Матеріалы“, напротивъ, выпускаютъ восемь стиховъ, пропущенныхъ Пушкинымъ въ изданіяхъ 1826 и 1829 года, послѣ того, какъ они были имъ напечатаны въ „Сынѣ Отечества“ 1821 г. Между тѣмъ Пушкинъ, передъ изданіемъ 1826 г., писалъ кн. Вяземскому: „Изъ посланія къ Чаадаеву вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились, единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ, а не потому, что они другимъ нѣ понутру“. Въ то же время своему брату Пушкинъ объяснялъ, что выпустилъ эти стихи (обращенные къ Ѳ. И. Толстому) потому, что „пощечины повторять не нужно“. Если можно было заключить о трехъ послѣднихъ стихахъ въ пьесѣ „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда“, что они выпущены „только по личнымъ отношеніямъ“, кажется, можно то же заключить и о данныхъ восьми стихахъ въ посланіи Чаадаеву.

Стихотвореніе „Къ Овидію“ кончается въ „Матеріалахъ“ такъ:

Но чуждые холмы, поля и рощи сонны
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

Дѣйствительно такъ эти стихи читаются во всѣхъ изданіяхъ, сдѣланныхъ „на глазахъ“ Пушкина. Но во всѣхъ подлинныхъ рукописяхъ иное чтеніе:

Но не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

Предыдущимъ издателямъ, работавшимъ по рукописямъ, казалось вполне яснымъ, что Пушкинъ перемѣнилъ окончаніе стихотворенія ради тогдашней цензуры. Стихи къ Овидію написаны Пушкинымъ въ ссылкѣ и ему невозможно было говорить открыто, что его лира осталась „непреклонной“. Передъ напечатаніемъ стиховъ онъ прямо писалъ А. А.

Бестужеву (письмо 22 июня 1822 г.): „Предвижу препятствія къ напечатанію стиховъ къ Овидію, но старушку (т. е. цензурѣ) можно и должно обмануть, ибо она очень глупа“. „Матеріаламъ“ эти доводы показались неубѣдительными и они приняли текстъ изданій, а не рукописей.

Посланіе къ Языкову („Издравле сладостный союзъ“), напечатано въ „Матеріалахъ“ полностью. Между тѣмъ самъ Пушкинъ дважды печаталъ его безъ конца (въ „Литературн. Газетѣ“ 1830 г. и въ изд. 1832 г.), до половины 34 стиха. Прямыхъ указаній, что конецъ пропускался Пушкинымъ по требованіямъ цензуры,—нѣтъ. Если въ стихотвореніи „Къ Овидію“ „Матеріалы“ нашли нужнымъ держаться текста изданій, имъ должно было остаться вѣрными себѣ и въ посланіи къ Языкову. Вдобавокъ собственоручной Пушкинской рукописи этого посланія не сохранилось, и конецъ его извѣстенъ только по копіи, принадлежавшей бар. М. А. Корфу, которая даетъ стихи въ ихъ первоначальной обработкѣ. „Матеріалы“ печатаютъ первую половину посланія по тексту изданій, т. е. въ позднѣйшей редакціи, а вторую половину по тексту копіи Корфа, т. е. въ первоначальной редакціи. Врядъ ли такое смѣшеніе—умѣстно.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать *пестроту* текста, даваемого „Матеріалами“.

Программа Академическаго изданія говоритъ далѣе:

„Что касается произведеній Пушкина, напечатанныхъ послѣ его кончины, текстъ ихъ будетъ воспроизведенъ въ точности по его собственнымъ рукописямъ, а за отсутствіемъ таковыхъ, по копіямъ, наиболѣе заслуживающимъ довѣрія“.

Уже изъ опыта I тома оказалось, что понятія „*собственныя* рукописи“ и „*копіи, наиболѣе заслуживающія довѣрія*“ не такъ просты, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Въ „Матеріалахъ“, въ числѣ стихотвореній, которыя при жизни Пушкина не были напечатаны, есть „Кинжалъ“. Подлинная рукопись его сохранилась только въ формѣ неразборчивой черновой. Въ основаніе своего текста „Матеріалы“ приняли копію, принадлежавшую С. Д. Полторацкому. Въ этой

рукописи первые семь строфъ писаны неизвѣстной рукою съ поправками С. Д. Полторацкаго, а послѣднія двѣ строфы дописаны собственноручно Пушкинымъ, который тутъ же („страха ради іудейска“) помѣтилъ: „Не А. Пушкинъ“. „Такимъ образомъ,—сказано въ „Матеріалахъ“,—текстъ „Кинжала“ въ сборникѣ Полторацкаго получаетъ авторитетъ достовѣрности“. Однако изъ того, что рукопись была передъ глазами Пушкина, слѣдуетъ ли, что онъ призналъ всѣ ея чтенія правильными? Вѣроятно, Пушкинъ вычеркнулъ бы изъ такой рукописи чужія вставки и исправилъ бы нелѣпыя передѣлки, но онъ могъ пройти безъ вниманія мелкія описки и ошибки. Помѣта „Не А. Пушкинъ“ дѣлаетъ это соображеніе еще болѣе вѣроятнымъ.

Между тѣмъ текстъ этой рукописи возбуждаетъ значительныя недоумѣнія.

Стихъ 5-й читается въ „Матеріалахъ“:

Гдѣ Зевса громъ молчить, гдѣ дремлетъ *ликъ* закона.

„Ликъ закона“ выраженіе неудачное и необычное, которое плохо вяжется со словомъ „дремлетъ“. Звуки „дремлетъ *ликъ*“ не напоминаютъ Пушкинскою благозвучности. Во всѣхъ другихъ спискахъ „Кинжала“, какъ и въ собственноручномъ Пушкинскомъ наброскѣ, читается „мечъ закона“, т. е. заставшее выраженіе, ставшее однимъ понятіемъ.

Стихъ 22-й въ „Матеріалахъ“ совершенно нелѣпный:

Исчадѣ мятежей, подьземлетъ злоба крикъ.

Почти непонятно, что это значить. Во всѣхъ другихъ спискахъ, между прочимъ въ томъ, съ котораго „Кинжалъ“ былъ напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1876 года, читается:

Исчадѣ мятежа подьземлетъ злобный крикъ.

Рѣчь идетъ о Маратѣ, п смыслъ совершенно ясенъ.

Слѣдующая за тѣмъ, 7-ая строфа читается въ „Матеріалахъ“:

Апостолъ гибельный! Усталому Аиду
Ты перстомъ жертвы назначалъ,
Но вышній судъ ему послалъ
Тебя и дѣву Эвмениду.

Выраженіе „гибельный апостоль“ (рѣчь продолжается о Маратѣ) довольно странное. И совершенно неумѣстно въ стихотвореніи, гдѣ второе лицо все время употребляется въ обращеніи къ кинжалу, говорить „ты“ еще Марату. Получается двусмысленность, особенно когда въ той же фразѣ, черезъ стихъ „ты“ опять относится къ кинжалу, а о Маратѣ говорится въ третьемъ лицѣ: „ему“. (Толковать стихъ въ томъ смыслѣ, что это кинжалъ назначалъ *перстомъ* жертвы— совершенно невозможно). Сомнительно и слово „перстомъ“ съ удареніемъ на первомъ слогѣ. Въ другихъ спискахъ, напр. въ спискѣ, принадлежавшемъ кн. П. А. Вяземскому, который, конечно, могъ получить его или отъ самого Пушкина, или вообще изъ авторитетныхъ рукъ, читаемъ:

Апостоль гибели, усталому анду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ.

Приведенныя соображенія, кажется, доказываютъ, что рукопись С. Д. Полторацкаго нельзя признать ни „собственной“ рукописью Пушкина, ни „копіей, наиболее заслуживающей довѣрія“.

О вариантахъ программа говорить такъ:

„Варианты, какъ изъ печатныхъ изданій, такъ и изъ рукописей, должны найти себѣ мѣсто въ изданіи критическомъ, ибо они раскрываютъ предъ внимательнымъ читателемъ поучительный процессъ творчества поэта и свидѣтельствуютъ о томъ, какъ строго относился онъ къ своимъ созданіямъ“.

Здѣсь ничего не сказано о томъ, намѣрено ли Академическое изданіе воспроизводить *все* различія изъ рукописей. Повидимому, „Матеріалы“ считаютъ возможнымъ пропускать тѣ Пушкинскія поправки, какія кажутся имъ незначительными. По крайней мѣрѣ нѣсколько разъ встрѣчается замѣчаніе, что то или другое стихотвореніе— „черновая, со многими пометками и исправленіями“, тогда какъ текстъ его данъ совершенно связнымъ и никакихъ различій не приведено. Иногда прямо кажется, что „Матеріалы“ боятся быть излишне мелочными. Это совершенно ошибочный взглядъ. Академическое изданіе Пушкина не можетъ забо-

тяться объ общедоступности, о популярности; это должно быть строго научное изданіе, въ которомъ найдутъ себѣ мѣсто всѣ подробности Пушкинской работы.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ „Матеріалы“ не приводятъ разночтеній по неразборчивости рукописи. Собственно говоря это не можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ. Почеркъ Пушкина, даже тамъ, гдѣ онъ пишетъ сокращая слова, вовсе не принадлежитъ къ числу непобѣдимо темныхъ: въ немъ есть своя логика, свое единообразіе. „Матеріалы“ же признаютъ иногда „не поддающимися чтенію“ такія строки, которыя уже были прочитаны другими. Такимъ образомъ въ „Матеріалахъ“ оказались пропущенными варианты, уже появившіеся въ печати.

Изъ первоначальнаго наброска оды „Наполеонъ“ „Матеріалы“ извлекли только *десять* строкъ („болѣе доступныхъ чтенію“), причемъ послѣднія изъ нихъ въ такомъ отрывистомъ видѣ:

...Вѣщали книжники, тревожились цари

Разоблаченные пустѣли алтари,

(Свободы буря) подымалась.

И вдругъ нагрянула.

Свободы тѣнь упала въ прахъ,

Разбились веткія скрижали...

Явился мужъ земныхъ судебъ.

Между тѣмъ, въ изданіи Литературнаго Фонда изъ того же наброска прочитано *двадцать* строкъ; стихи, соотвѣтствующіе приведеннымъ, читаются такъ:

Дряхлѣли троны, алтари,

Надъ ними гуча собиралась,

Вѣщали книжники, тревожились цари.

Свободы буря поднималась—

И вдругъ нагрянула. Упали

Во прахъ и кровь великія скрижали,

Явился мужъ... Рабы земныхъ судебъ...

. и живо вновь

Мечи и цѣпи зазвучали.

И гордо онъ прошелъ...

Порочныя сердца застыли.

. развратъ.

За злато брата продалъ братъ,
 Отечество безумные забыли.
 Рекли въ отчаяніи: нѣтъ свободы!
 И имъ повѣрили народы...
 ...Добро и зло все стало тѣнью.

Замѣтимъ, кстати, что у В. Якушкина, въ Описаніи рукописей Пушкина („Русск. Стар.“ 1884 г.) изъ рукописи № 2370, стр. 7, (которой „Матеріалы“ вовсе не имѣютъ въ виду) приведено еще четыре стиха того же отрывка, среди которыхъ одинъ въ совершенно иномъ чтеніи:

Толпа свободой волновалась.

Изъ рукописи же № 2365, стр. 62, приведено В. Якушкинымъ два стиха изъ другаго мѣста оды, которыхъ тоже нѣтъ въ „Матеріалахъ“:

Въ своемъ уныломъ заточеніи
 Ты жаждалъ Франціи своей.

Въ стихотвореніи „Ты правъ мой другъ“ изъ одной черновой строфы въ „Матеріалахъ“ приведенъ лишь первый стихъ, съ заявленіемъ, что „можно разобрать лишь слѣдующее“:

Разоблачивъ плѣнительный кумиръ.

Между тѣмъ въ изданіи Лит. Фонда (въ „Матеріалахъ“ ошибочная ссылка, см. томъ VII, стр. 39—41) прочтено гораздо больше:

Разоблачивъ плѣнительный кумиръ,
 Я вижу..
 Какъ бьется лань, пронзенная стрѣлой
 И силится..

Въ черновомъ наброскѣ къ стихотворенію „Горишь ли ты лампада наша“ „Матеріалы“ безо всякаго пробѣла печатаютъ рядомъ два стиха:

Утихъ безумнаго веселья гласъ
 И разлетѣлися утѣхи.

Между тѣмъ въ изданіи Лит. Фонда между ними есть еще стихъ:

Любовницы забыли насъ.

Въ томъ же наброскѣ въ „Матеріалахъ“ послѣ 4-го стиха стоитъ точка съ запятой и непосредственно слѣдуетъ даль-

нѣйшій стихъ; между тѣмъ въ изданіи Лит. Фонда эти два стиха раздѣлены строкою точекъ.

Число подобныхъ примѣровъ можно бы увеличить, но и приведенные доказываютъ, что „Матеріалы“ не исчерпываютъ всѣхъ разночтеній, уже извѣстныхъ въ печати.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ чтеніе „Матеріаловъ“ совершенно отличается отъ обычнаго, но никакихъ объясненій тому не дано.

Въ стихотвореніи „Напрасно милый другъ“ „Матеріалы“ печатаютъ 5-й стихъ въ такомъ видѣ:

. Очарованья

и въ примѣчаніяхъ сообщаютъ, что первоначально онъ читался:

Исчезли на всегда минуты заблужденья.

Въ изданіи Лит. Фонда этотъ стихъ читается:

Исчезли навсегда часы очарованья.

Какъ относиться къ этому чтенію?

Въ первоначальномъ наброскѣ стихотворенія „Умолкну скоро я“ „Матеріалы“ читаютъ 2-й стихъ:

Ничто души моей не воскресить.

Въ изданіи Лит. Фонда:

Ничто души моей *уже* не воскресить.

Стоитъ ли это „уже“ въ рукописи?

Въ отрывкѣ „Пѣвецъ гусарь, ты пѣлъ биваки“ въ изданіи Литературнаго Фонда есть два стиха, которые стоятъ въ самомъ началѣ:

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю,
Пировъ и радости блистательный пѣвецъ.

Почему этихъ стиховъ нѣтъ въ „Матеріалахъ“?

Правда, иногда „Матеріалы“ оговариваются, что данное стихотвореніе было напечатано изданіемъ Лит. Фонда „не совсѣмъ точно“ или что оно „въ изданіи Литературнаго Фонда подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ“. Но такія оговорки необходимо дѣлать каждый разъ, чтобы не оставалось недоумѣнія, какъ относиться къ чтенію другихъ

изданій: считать ли его совершенно ошибочнымъ или подлиннымъ Пушкинскимъ вариантомъ.

Отмѣчаемъ отдѣльныя замѣченныя нами ошибки.

Стихи „И чувствую душа“ перепечатаны „Материалами“ изъ изданія Анненкова. Между тѣмъ въ описаніи Якушкина они указаны въ рукописи Румянцовской библіотеки, № 2382, стр. 107,1, и читаются тамъ въ болѣе полномъ видѣ:

И чувствую душа въ сей часъ
Твоей любви, тебя достойна и т. д.

Еще одинъ вариантъ этихъ стиховъ напечатанъ въ изданіи 1880 г. (томъ I, стр. 326) и перепечатанъ оттуда въ изданіи Литературнаго Фонда.

„Первое посланіе къ цензору“ отнесено къ 1824 г. Это невѣрно, потому что еще 6 февраля 1823 года Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: „Читалъ ли ты мое посланіе къ Бирукову?“ („Русск. Вѣстн.“ 1899 г., VI).

Стихотвореніе „Наперсникъ Феба иль Пріапа“ напечатано по совершенно ошибочному тексту, какъ его сообщила по памяти А. П. Кернъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Оно было напечатано съ Пушкинскаго автографа въ „Русскомъ Обзорѣніи“ 1897 г. № 2.

Посланіе Козлову имѣется еще въ одной редакціи, которая напечатана въ Собраніи сочиненій И. И. Козлова, изд. А. Маркса (Спб. 1892 г., стр. 9).

Стихотвореніе „Я помню чудное мгновенье“ извѣстно еще въ другомъ автографѣ, о которомъ говорилось въ № 1 „Новаго Пути“ *). Автографъ этотъ даетъ нѣкоторыя разночтенія.

Почему, наконецъ, посланіе къ кн. А. И. Голицыной (при посылкѣ оды „Вольность“) отнесено къ 1818 году, тогда какъ ранѣе его относили къ 1827 году? Не ранѣе

*) Пользуемся случаемъ исправить маленькую неточность нашего сообщенія. Листокъ съ этими стихами былъ вложенъ Пушкинымъ въ подаренный имъ А. П. Кернъ экземпляръ 2-й главы „Евгенія Онегина“, а не „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ (см. Л. Майковъ. Пушкинъ, стр. 243).

1818 года написана сама ода „Вольность“, а между тѣмъ въ посланіи сказано:

Такъ я *бывало* воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы.

Въ заключеніе нѣсколько словъ pro domo sua. Сдѣланныя замѣчанія ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ цѣлью унижить значеніе громадной и цѣнной работы, сдѣланной, покойнымъ Л. Н. Майковымъ. Къ тому же „Матеріалы“ не были имъ лично приготовлены къ печати, и, очень можетъ быть, при дальнѣйшей работѣ, имъ были бы устранены въ нихъ тѣ или другіе недостатки. Единственная цѣль нашихъ замѣчаній—по мѣрѣ силъ способствовать Академическому изданію Пушкина.

Валерій Брюсовъ.